

УДК 94(470) «18»

Ю.А. Сорокин

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИСКАНИЯ В РОССИИ ПОСЛЕДНЕЙ ТРЕТИ XVIII в. (К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ)

Исследуются проблемы, связанные с крупномасштабной законодательной и реформаторской деятельностью российских монархов Екатерины II и Павла I. Проанализированы основные аспекты правительственного конституционализма. Изучены деяния, предпринятые для разработки проекта «непременных» законов частными лицами. Очерчен круг проблем терминологического и историософского порядка.

Ключевые слова: «конституция», «ценности Века Просвещения», «социальная утопия», «законная монархия».

Проблемы государства, его природы и социальной сущности занимали особое место в философии европейского Просвещения – явлении многогранном и многомерном, в рамках которого развивались весьма различающиеся между собой теории и взгляды. Исследователи – от И. Канта и К. Маркса до современных авторов – склонны признавать, что все они имеют и общие места. К такому отнесем безусловную веру европейских просветителей в само государство, точнее, в государственную машину, которая во имя достижения высоких и благородных целей (общее благо) должна работать весьма эффективно. «Человеческие страсти», иначе именуемые «народным непостоянством», не уничтожаются, а лишь унифицируются или нивелируются. При этом продуцируется единство воли, единство цели, единство силы. На этой основе, собственно, и создается государство. Такова, с точки зрения европейских философов Века Просвещения, одна из наиболее значимых санкций, оправдывавших самое его существование, которая одновременно является главным условием для достижения глобальной цели – все того же общего блага. Подданному в таком государственном механизме достается роль винтика с «естественными правами», а государю вменяется в обязанность корректировать ход государственной машины посредством издания законов. Законодательная деятельность в широких масштабах, таким образом, понимается как базовая обязанность монарха. Собственно, вся его реформаторская деятельность должна состоять либо в создании новых «учреждений», либо в издании новых законов, гибко реагирующих на все изменения в обществе и приноравливающих к ним весь государственный аппарат.

В свою очередь, главнейший аспект законодательной деятельности государя состоит в издании фундаментальных, или «непременных», законов – непременных в значении обязательности их вы-

полнения всеми: и государем, и подданными; в значении их абсолютной необходимости; в значении их несменяемости. Такие «непременные» законы в литературе называют еще конституциями абсолютных монархий. Дарование подданным конституции в XVIII в. признавалось и монархами, и философами насущной необходимостью; разработка конституций – прямая и весьма важная обязанность государей. Последние вынуждены заниматься этим сами, предписывать такого рода занятия государственным учреждениям и даже признавать за подданными право на конституционные искания, оформленные в проекты, подаваемые на высочайшее имя. Нам представляется, что конституционных исканий таких масштабов, какие имели место быть в России в царствование Екатерины II и Павла I, история нашей государственности не знала никогда.

В литературе сам факт конституционных исканий в этот период как будто признается всеми авторами. При этом никакого единства в подходах, способах решений, конечных выводах ученых в историографии не наблюдается. Остановимся на тех аспектах изучения конституционных исканий в век Екатерины и Павла, которые, во-первых, наиболее актуальны сегодня, во-вторых, весьма сложны для понимания и соответствующих интерпретаций, чтобы наконец понять, отчего так путанно и небрежно решается в историографии один из принципиальных вопросов русской истории – почему все попытки определить законом властные полномочия российского самодержца заканчивались неудачно? Иначе: как именно в России пытались совместить неограниченную монархию с конституцией на практике.

До сих пор в литературе продолжают споры о том, какие конкретные понятия и дефиниции из инструментария исторической науки надлежит использовать при изучении и описании конституционных исканий последней трети XVIII в. в Рос-

сии, в частности, что надлежит понимать под конституцией абсолютной монархии. Современное толкование термина «конституция» имеет два значения. Первое – основной закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, систему государственных органов, права и обязанности граждан [1. С. 297]. Иногда это понятие уточняется – конституция как основной закон обладает высшей юридической силой, устанавливает принципы организации и деятельности органов государственной власти, управления, суда [2. С. 302], избирательную систему [3. С. 423] и проч. Совершенно очевидно, что ни такой конституции, ни подобных ей конституционных исканий в России последней трети XVIII в. не было и быть не могло. Современное толкование термина исключает его применение к реалиям абсолютной монархии в России хотя бы потому, что в данном случае приходилось бы определять де-юре границы власти монарха. Она же в России принципиально безгранична, как с точки зрения самодержцев, так и с точки зрения русских историков-монархистов. Власть русского монарха, по мнению последних, невозможно придать чисто юридическую конструкцию подобно векселю или чеку. Само самодержавие в их понимании – понятие не из арсенала науки. Правовое определение власти монарха в форме законодательного акта или учредительной хартии немыслимо, ибо, как подчеркивал П. Флоренский, «в сознании русского народа самодержавие не есть юридическое право, а есть явленный самим Богом факт – милость Божия, а не человеческая условность, так что самодержавие Царя относится к числу понятий неправовых, а вероучительных, входит в область веры, а не выводится из внерелигиозных предпосылок, имеющих в виду общественную или государственную пользу» [4. С. 26]. В лучшем случае, как считал И.С. Аксаков, необходимо «удержать самодержавие в пределах государственной сферы, минуя конституционные формы» [5. С. 49].

Итак, историк, руководствующийся данным современным толкованием термина «конституция», чаще всего вовсе не находит никаких конституционных исканий в период существования неограниченной монархии в России и даже «Основные законы Российской империи», подготовленные после первой русской революции, не готов считать хотя бы «куцей конституцией».

Второе значение термина «конституция» – «строение организма, телосложение» [3. С. 423] – чаще всего используется в биологии. Применительно же к гуманитарным наукам оно приобретает значение «структура» и восходит к латинскому

«constitutio» – установление, устройство, организация и все это в значении «императорское постановление», «императорский вердикт». Но в качестве последних, что очевидно само по себе, могут выступать любые узаконения, любые правовые акты. При таком толковании речь может идти о правовом регулировании, шире – законодательной деятельности как таковой. Но ведь такого рода деятельность характерна для любого государства в любую историческую эпоху. Писанный закон есть признак государства, если отвлечься от времен совсем уж былинных. Тогда получается, что понятие «конституция» тождественно понятию «закон». При таком подходе границы конституционных исканий раздвигаются очень широко и обнимают весь период существования государства, восходят чуть ли не к обычному праву, что историка удовлетворить не может.

Если подходить к содержанию понятия «конституция» очень строго, получается, что ни в одном из двух своих основных значений термин не применим к российским реалиям последней трети XVIII в. Российские монархи, российские государственные деятели, позднее – поколения ученых, широко употребляли данный термин, не заботясь об его адекватном наполнении. Во всяком случае, экстраполировать понятие «конституция», заимствованное из римского права [6. С. 87–88] или из сочинений правоведов и государствоведов XX в. [7. С. 335] применительно к эпохе Екатерины и Павла, скажем еще раз, не представляется возможным, если исходить из вышеобозначенных содержаний дефиниции. Тот факт, что термин продолжает широко использоваться в исследовательской практике, например, таким авторитетным современным ученым, как О.А. Омельченко, не повлиял на нашу оценку историографической ситуации. К этому добавим, что такого рода положение в исторической науке не новость – в литературе не определено содержание понятий «самодержавие», «царизм», «абсолютизм», «просвещенный абсолютизм» и проч. – во всяком случае, нет общеупотребительного [8. С. 10–32], хотя все эти дефиниции также широко используются учеными-историками. Но ведь если в науке не определено содержание понятия или оно не стало общепринятым, от него надлежит отказаться, ибо, в противном случае, исследователи просто перестанут понимать друг друга.

Выход из данной историографической ситуации нам представляется таким. В историческом исследовании о конституционных исканиях последней трети XVIII в. надлежит шире использовать еще одно толкование понятия «конституция»,

само по себе не новое, но все-таки не использующееся в исследовательской практике хоть сколько-нибудь заметно. Надлежит отталкиваться не от латинского первоисточника «constitutio», а от латинского же «constituo» – ставлю, располагаю, устанавливаю, устраиваю и, что особенно важно, «привожу в порядок» [3. С. 424]. При последнем прочтении конституционные искания при Павле Петровиче будут означать стремление навести порядок в законодательстве, в частности, провести кодификацию законов, отменить все устаревшие нормы, перестать считать указы законами, легализовать сам процесс принятия решений; упорядочить работу государственного аппарата, определить законом права и обязанности сословий, наконец, выстроить прочный правовой фундамент в сферах, никогда ранее законом не регулируемых, в которых безусловно доминировал произвол монарха.

Такое толкование термина применимо и к другому варианту конституционных исканий в России последней трети XVIII в. Князь А.А. Безбородко, готовя свой политический проект, в литературе также именуемый конституцией, руководствовался следующим соображением: императрица Екатерина Алексеевна дала жалованную грамоту дворянству и жалованную грамоту городам. Порядок требовал, чтобы аналогичный правовой акт был подготовлен и по отношению к крестьянству. Проект такой жалованной грамоты и разрабатывал А.А. Безбородко.

Применительно к практике конституционных исканий последней трети XVIII в. надлежит осмыслить еще один очевидный факт – в условиях неограниченной монархии нет принципиальной разницы между «непременным законом» и любым распоряжением монарха (указом), поскольку любая подписанная государем бумага приобретает силу закона. Как следствие, в законодательстве царит настоящий хаос. Многие серьезные ученые-юристы, в частности профессор Н.М. Коркунов, полагали, что абсолютизм не имеет принципиальной возможности создать закон в формальном смысле слова, так как нет ни разделения властей, следовательно, нет законодательной власти, ни народного представительства. Абсолютный монарх только до тех пор связан законом, пока этот закон существует, а так как закон в его власти, то, следовательно, до тех пор, пока сам хочет. Если закон мешает административным целям, его просто не выполняют. Но так поступать с «непременными законами» невозможно, поэтому просвещенными монархами торжественно декларируется цель их создания, работы ведутся с большой помпой, но они остаются незаконченными, например,

в силу начавшейся Русско-турецкой войны. Налицо глобальные противоречия между теориями и практикой, между торжественно декларируемыми целями и конкретной исторической действительностью. В конце концов сочинение проектов конституций становится всего-навсего модным; важен был сам факт сочинительства, содержание политического проекта уходило на второй план. Современник писал не без иронии: «Трое ходили тогда с конституциями в кармане: Державин, князь Платон Зубов со своим изобретением и граф Никита Петрович Панин с конституцией английской, переделанной на русские права и обычаи... Который же из проектов был глупее, трудно описать: все три были равно бестолковы» [9. С. 319].

Надлежит, наконец, признать, что конституционные искания монархов, сочинения конституционных проектов русскими аристократами разворачивались на фоне прогрессирующего правового нигилизма русского общества вообще и русского дворянства в частности. Каждый желал, чтобы его судили по совести, а не по закону. Гаранта своих прав и привилегий, несмотря на декларации, дворянин видел не в законе, а в личности государя. К тому же правовое бесправие огромной массы крепостных заметно понижало общий правовой фон в России – об этом, к сожалению, забывают не только адепты эпохи царствования Екатерины, но и современные ее апологеты, слишком увлеченные конституционными исканиями и даже республиканскими идеями своей героини.

Означает ли сказанное, что конституция в условиях абсолютной монархии невозможна как таковая? Ответ в литературе предлагается такой: раз «непременный закон» не был создан, то его невозможно было создать, и не в силу строптивости или незадачливости монарха, не в силу неких объективных обстоятельств, всякий раз препятствующих этому процессу, а именно невозможно в принципе.

В литературе высказано мнение, что конституционный акт в рамках абсолютной монархии есть «утопия русской истории». Утопизм политической доктрины, содержательной правовой программы и законодательной программы просвещенного абсолютизма безусловно признавал О.А. Омельченко [10. С. 39]. М.Б. Лавринович, проанализировав ряд социально-политических проектов екатерининского царствования по созданию городского сословия, пришел к такому же выводу. Исследователь полагает, что законодательная практика показала невыполнимость стремлений создать универсальные законы, сама идея государства «общего блага» также утопична [11. С. 66]. Автор солидаризируется с мнением

авторитетного Ю.М. Лотмана, согласно которому в русской культуре, очевидно и политической тоже, доминируют представления о том, что идеал в принципе не должен совпадать с реальностью. Социальное законодательство екатерининской эпохи было продуктом не столько реальности, сколько представлений о том, какой она должна быть [11. С. 73]. М.Б. Лавринович даже извиняет Екатерину, ибо не ведает она, что творит; императрица не понимает, что реализовать утопию на практике невозможно именно в принципе.

Что же, надлежит на этом основании свернуть изучение конституционных исканий последней трети XVIII в., ибо они не только, по мнению большинства историков, не реализованы, но и не могли быть реализованы? Жонглировать же различными политическими проектами екатерининской эпохи, вновь и вновь извлекаемыми из запасников и архивов, должно было бы уже прискучить, поскольку последние два десятилетия историки изучали не то, что было сделано, а то, что измысливалось в прожектах; не законодательство, а проекты и черновики законов, имея целью совместить или хотя бы приблизить друг к другу теорию и практику абсолютной монархии.

Наш ответ на этот вопрос будет отрицательным, и не только потому, что в истории нет мало-значимых тем, а альтернативы общественного развития, пусть и иллюзорные, пусть и идеальные, изучать все-таки должно. Ответ будет отрицательным еще и потому, что, на наш взгляд, конституция абсолютной монархии в России была создана на практике, если признавать тождественность понятий фундаментальный закон, «непременный» закон, конституция абсолютной монархии.

5 апреля 1797 г. состоялась коронация Павла Петровича. В этот день он исполнил давнишнюю свою мечту – дать империи «фундаментальный закон», обнародовав акт о престолонаследии. Отныне престол передавался только по мужской линии от отца к сыну по праву первородства, если же у государя не было детей, то к старшему брату и т.д. Акт дополнялся «Уложением об императорской фамилии», досконально определившим права и обязанности членов Дома Романовых. Акт о престолонаследии определял вопросы первостепенной важности: «дабы государство не было без наследников», «дабы наследник был назначен всегда законом самим», «дабы не было ни малейшего сомнения, кому наследовать» и т.п. [12]. На наш взгляд, эти законы надлежит толковать как действительно основополагающие, как конституцию для неограниченной монархии. По крайней мере, акт о престолонаследии не менялся до тех пор,

пока в России существовала монархия. Юридическая подкладка дворцовых переворотов, имевшая место на протяжении всего XVIII в. – указ о престолонаследии Петра I, – уничтожалась. Подобная акция существенно укрепила и государство, и монархию, и статус государя, ибо закон не позволял уже заговорщикам, помышлявшим о дворцовом перевороте, узурпировать право решать, кто же получит корону.

Конечно, мысль о том, что «Акт о престолонаследии» вкупе с «Уложением об императорской фамилии» должен рассматриваться как конституция абсолютной монархии высказывается априори, хотя есть и серьезные аргументы в пользу такого мнения. О.А. Омельченко справедливо полагал, что конституционное законодательство просвещенного абсолютизма предполагало закрепить в едином правовом документе главнейшие публично-правовые характеристики государственного строя России, в том числе полномочия монарха и порядок престолонаследия [10. С. 35–36]. Павловский акт успешно разрешал последний вопрос. Этим законом Павел «наводил порядок» в важнейшей составляющей структуры абсолютной монархии – определял, кому именно быть государем. На смену произволу монарха в вопросах престолонаследия, легализованному «Правдой воли монаршей» пришли строгие нормы закона. Если угодно, закон весьма жестко ограничивал власть государя в определении им наследника державы своей – не передать корону наследнику, определенному законом, царствующий монарх по своему произволу не мог. Закон определил также, что царствующий монарх есть государь не только для своих подданных, но и для ближайших родственников, для всего дома Романовых. Закон обязывал Романовых выполнять верноподданнический долг по отношению к императору. Природа этого долга одинакова для всех подданных российской короны. Мы охотно признаем, что некоторые юридические нормы павловского акта сформулированы не очень удачно, но этот закон работал. Нарушить его «не дерзнули осмелиться» ни преемники Павла Петровича на престоле Российской империи ни заговорщики, осуществившие царевубийство и дворцовый переворот, ни дворянские революционеры в 1825 г., ни законодворцы «эпохи великих реформ», ни разработчики «Основных законов Российской империи». Конституция абсолютной монархии рухнула только вместе с монархией.

Если априори признать «Акт о престолонаследии» от 5 апреля 1797 г. фундаментальным или «непременным» законом абсолютной монархии, то тем самым с неизбежностью признается тот

факт, что конституционные искания абсолютных монархов в России на протяжении XVIII в. завершились созданием конституционного акта, следовательно, надлежит также признать, что конституционализм русских монархов вовсе не утопичен. Такого рода конституция укрепляет монархический режим в целом, эмансипирует его от политической борьбы, имевшей место быть в высших кругах русского дворянства.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ожегов С.И., Шведова Н.Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1993.
2. *Современный словарь иностранных слов.* М., 1993.
3. *Черных П.Я.* Историко-этимологический словарь русского языка. М., 1994. Т. I.
4. *Флоренский П.* Около Хомякова. Сергиев Посад, 1916.
5. *Дудзинская Е.А.* Славянофилы в общественной борьбе. М., 1983.
6. *Бартошек М.* Римское право (Понятия, термины, определения). М., 1989.
7. *Еллинек Г.* Общее учение о государстве. СПб., 1903.
8. *Сорокин Ю.А.* Российский абсолютизм в последней трети XVIII в. Омск, 1999.
9. *Туманов М.Н.* Влияние русской литературы второй половины XVIII в. на общественные нравы, законодательную деятельность правительства и государственное управление. Одесса, 1915.
10. *Омельченко О.А.* Монархия просвещенного абсолютизма в России: Политическая доктрина; Правовая политика; Государственные реформы: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2002.
11. *Лавринович М.Б.* Социально-политическая программа Екатерины II: «третье сословие» как утопия русской истории // *Философский век.* СПб., 2000. Вып. 12.
12. *Полное собрание законов Российской империи.* Собрание первое. СПб., 1830. Т. XXIV. № 17906.